

XVIII 36
35

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
П 5215-48

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

годъ	11 Сентября	№ 26.	1902 года.	XXXI.
------	-------------	-------	------------	-------

⊖ О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц І А Л Ъ Н Ы Й . ⊖

ВЫСОЧАЙШАЯ НАГРАДА.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилоствѣйше соизволилъ, 23-го минувшаго августа, на сопричисленіе, за 50-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Владиміра 4-й степени* священника церкви села Томаковки, Екатеринославскаго уѣзда, **Ксенофонта Рубанистаго**.
(Правит. Вѣст. № 191, 1-го сент. 1902 г.).

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Св. Меону, Епископу Екатеринославскому и Таганрогскому.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 6-го іюля 1902 г. № 51, 062

томъ, что Государь Императоръ, въ 1-й день іюля 1902 г., Высочайше соизволилъ на укрѣпленіе за Маріе - Магдалининскою церковью при деревнѣ Вороной, Новомосковского уѣзда, Екатеринославской епархіи, четырехъ участковъ земли, мѣрою 1—1432 кв. саж., 2—1254 кв. саж., 3—1000 кв. саж. и 4—33 дес. 550 кв. саж., всего 34 дес. 1836 кв. саж., или сколько въ натурѣ окажется, состоящихъ при означенной деревнѣ и жертвуемыхъ женою тайнаго совѣтника Марією Миклашевскою подъ церковь и на довольствіе причта на изъясненномъ жертвовательницѣ условіи. Справка: Изъ опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 31 мая—10 іюня 1902 г. № 2417, по ходатайству Вашего Преосвященства, отъ 6 іюня 1901 г. № 9665, видно, что вышеозначенное недвижимое имѣніе жертвуется упомянутой церкви Миклашевскою съ тѣмъ, чтобы за пріобрѣтшимъ остальное имѣніе Миклашевскою при деревнѣ Вороной личнымъ почетнымъ гражданиномъ Бергманомъ и его правопреемниками было оставлено навсегда право для прохода, проѣзда и прогона скота по площади съ сѣверной и западной сторонъ за церковною оградой на пространствѣ 600 кв. саж. **Приказали:** Объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи и объ оказавшемся по справкѣ увѣдомить для зависящихъ къ исполненію распоряженій Ваше Преосвященство указомъ съ возвращеніемъ представленныхъ документовъ. Августа 2 дня 1902 г. № 5882.

Перемѣны по службѣ.

РУКОПОЛОЖЕНЪ во іерея 18-го августа *учитель* Анновской церковно-приходской школы, Маріупольскаго уѣзда, **Іоаннъ Прокопецъ** къ Преображенской церкви с. Преображенки, Александровскаго уѣзда.

ПЕРЕМѢЩЕНЫ: 26-го августа *священники:* Николаевской церкви с. Комиссаровки, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, **Николай Добровольскій** къ Троицкой церкви с. Лиховки, того же уѣзда, на второе мѣсто; Благовѣщенской церкви с. Томаковки, Екатеринославскаго уѣзда, **Михаилъ Аркатовскій** къ Покровской церкви с. Лозоватки, Верхнеднѣпровскаго уѣзда; Троицкой церкви с. Петровскаго, Павлоградскаго уѣзда, **Сте-**

фанъ Адріашенко къ Благовѣщенской церкви с. Томаковки, Екатеринославскаго уѣзда; 31-го августа *діаконъ* Александръ Невской церкви с. Вареновки, Ростовскаго уѣзда, **Алексій Домовскій** къ Харалампіевской церкви г. Маріуполя.

ПРИНЯТЫ на службу въ Екатеринославскую епархію священники: с. Козловой-Слободы, Буйскаго уѣзда, Костромской губерніи, **Викторъ Бѣляевъ** и Троицкой Телицкой церкви Кирилловскаго уѣзда, Новгородской губерніи, **Константинъ Духовской** и опредѣлены: первый священникомъ къ Свято-Троицкой церкви с. Петровскаго, Павлоградскаго уѣзда; второй къ Рождество-Богородичной церкви с. Стефанидинъ-Даръ, Ростовскаго уѣзда.

ОПРЕДѢЛЕНЫ: 27-го августа *діаконъ* на псаломщической вакансіи Вознесенской церкви с. Васильковки, Павлоградскаго уѣзда, **Назарія Березовскій** на первое псаломщическое мѣсто при той же церкви; 28-го августа, по выдержаніи испытанія, *крестьянинъ* **Петръ Сидоренко** псаломщикомъ къ молитвенному дому дер. Лукашевки, Екатеринославскаго уѣзда; 4-го сентября *окончившій курсъ въ Екатеринославской духовной семинаріи* **Серафимъ Кирилловъ** псаломщикомъ къ Успенской церкви с. Мало-Михайловки, Александровскаго уѣзда; того же числа *псаломщикъ* **Владиміръ Ѳедоровскій** псаломщикомъ къ Николаевской церкви с. Васильевки, Славносербскаго уѣзда.

УМЕРШІЙ 19-го августа *священникъ* Николаевской церкви с. Лоцманской-Каменки, Екатеринославскаго уѣзда, **Григорій Копѣйчиковъ** исключается изъ списковъ штатнаго духовенства епархіи.

УТВЕРЖДЕНЫ въ должностяхъ а) церковныхъ старость церквей: с. Мало-Михайловки, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ **Иванъ Ѳоменко**; с. Копаней, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ **Сильвестръ Кириченко**; с. Мавроевки, Екатеринославскаго уѣзда, крестьянинъ **Поликарпъ Лагутченко**; с. Калиновскаго, Бахмутскаго уѣзда, крестьянинъ **Григорій Мордусъ**; с. Анадоль, Маріупольскаго уѣзда, кре-

стьянинъ **Климентій Ананіевъ**; Вознесенской церкви г. Бахмута, купецъ **Яковъ Мартыненко**; Покровской церкви м. Никополя, Екатеринославскаго уѣзда, мѣщанинъ **Герасимъ Сорокинъ** и кладбищенской Всесвятской церкви г. Таганрога мѣщанинъ **Матѳей Казаковъ**, б) **предсѣдателя и членовъ церковно-приходскаго попечительства** при Николаевской церкви г. Таганрога мѣщанинъ **Константинъ Цвѣтковъ** и 37 членовъ, Преображенской церкви г. Луганска 6 членовъ.

УВОЛЕНЫ отъ должностей, согласно прошенію: а) **церковнаго старосты** с. Ново-Троицкаго, Мариупольскаго уѣзда, **Иванъ Федорашко**; б) **предсѣдателей церковно-приходскихъ попечительствъ** Пантелеймоновской церкви с. Подкряжнаго, Новомосковскаго уѣзда, крестьянинъ **Георгій Тертышникъ** и Вознесенской церкви с. Пальмиры, Верхнедѣлровскаго уѣзда, **Лука Дѣдка**.

Преподано Архипастырское благословеніе:

Ивану и Георгію Рыбниковымъ за пожертвованіе ими въ соборную Вознесенскую церковь г. Павлограда разныхъ вещей на сумму 892 руб.;

генералу отъ инфантеріи Озерову за горячее участіе въ устройствѣ причтовыхъ домовъ с. Воскресенки и пожертвованіе 400 рублей и

церковному старостѣ крестьянину Лавру Шатскому за пожертвованіе имъ въ мѣстную церковь рудника «Золотое» металлическаго облаченія на Св. Престолъ и серебрянной покрывки на Св. Антиминсъ, стоимостью 540 руб.

Выражается признательность Епархіальнаго Начальства:

прихожанамъ Успенской церкви с. Кохановки, Павлоградскаго уѣзда, за ихъ заботы о благолѣпіи своего храма и за пожертвованіе разныхъ вещей на сумму 312 р. 50 к.;

жертвователямъ въ церковь Всѣхъ Святыхъ с. Всесвятскаго, Мариупольскаго уѣзда, разныхъ вещей на сумму 213 р. 50 к.;

Ростовскому на Дону купцу Алексѣю Ерошову за обложенеіе главнаго престола въ храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы г. Ростова на Дону мраморомъ на свои средства на сумму 250 р.;

Павлу Савицкому, женѣ священника Меланіи Лошаковой и священнику Николаю Лошакову, пожертвовавшимъ въ Варваринскую церковь с. Карнауховки, Екатеринославскаго уѣзда, разныхъ вещей на сумму 365 руб.;

прихожанамъ Николаевской церкви с. Пологъ, Александровскаго уѣзда, за обновленіе гробницы для плащаницы;

жертвователямъ въ Св.-Троицкую церковь села Троицкаго иконы стоимостью 110 руб.;

прихожанамъ с. Дмитріевки, Маріупольскаго уѣзда, пожертвовавшимъ въ приходскую Архангело-Михайловскую церковь икону въ 60 р. и крестьянину Антипѣ Вовку за устройство къ ней кіота въ 150 руб.;

жертвователямъ на ремонтъ Успенской церкви с. Богоявленки, Маріупольскаго уѣзда;

крестьянамъ: Иванамъ Проходы, пожертвовавшимъ въ приходскую церковь с. Григорьевки икону св. Ѳеодора Тирона и преподобной Маріи Египетской на сумму 60 руб.;

прихожанамъ с. Воскресенки за заботы о благоустройствѣ причтовыхъ домовъ, дворянину Батюшкову и священнику Волочаеву за пожертвованіе на устройство дома для священника;

вдовѣ купца Евдокіи Никитиной Дѣдиковой за пожертвованіе въ пользу соборной Вознесенской церкви г. Павлограда Евангелія цѣною въ 100 руб.;

дворянину Александру Новохацкому за пожертвованіе имъ въ Захаріе-Елисаветовскую церковь м. Алферовки, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, разныхъ вещей церковныхъ и иконъ на сумму 1100 рублей;

Никитѣ и Іуліаніи Андреевымъ, Власію и Аѳанасіи Супруновымъ, пожертвовавшимъ въ церковь с. Батайска священническое облаченіе и воздухи на сумму 375 руб.

и женѣ генераль-лейтенанта Екатеринѣ Мессарошъ за пожертвованіе ею билета въ двѣ тысячи рублей на обезпеченіе причта Свято-Духовской церкви села Ивановки-Кохъ, Павлоградскаго уѣзда.

О Т Ч

Екатеринославскаго Епархіального

Счетъ оборотнаго

На 1-е января 1901 года заводъ былъ
долженъ:

Епархіальному попечительству . .	50,000	—		
Бахмутскому духовному училищу .	4,145	15		
Маріупольскому духовному училищу .	6,651	27		
Миссіонерскому Комитету	12,259	48		
Пенсіонно-вспомогательной кассѣ .	16,500	—		
Краткосрочныхъ долговъ за воскъ принятый, по неоплоченный въ 1900 г.	23,101	15		
Залоговыя деньги Смотрителя завода В. О. Гераскевича	1,000	—		
Авансоваго взноса церквамъ . . .	36	—		
Переплата церквей за свѣчи впредь до окончательнаго расчета	8	03	113,701	80
Собственный капиталъ завода, нахо- дящійся въ операціи	—	—	381,412	31
Всего	—	—	495,113	39

Е Т Ъ

свѣчнаго завода за 1902 годъ.
капитала къ 1901 году.

На 1-е Января 1901 г. заводъ имѣлъ:

Наличныхъ денегъ	1,251	34		
Свѣчей бѣлаго воска 2033 п. 38 ¹ / ₄ ф.	51,662	49		
Свѣчей желт. воска. 1277 » 11 »	31,165	51		
Восковыхъ крестикъ. — » 36 ¹ / ₄ »	36	25		
Желтаго воска . . . 2936 » 29 »	74,327	77		
Бѣленаго воска . . . 2153 » 24 »	57,165	41		
Фитильной бумаги . . 70 » 5 ¹ / ₄ »	1,147	53		
Обверточной бумаги 182 » 25 »	913	18		
Огарочнаго воска . . 844 » 31 »	16,895	49		
Свѣчныхъ огарковъ . . 223 » 30 ¹ / ₂ »	4,268	02		
Этикетовъ 14 » 14 ¹ / ₂ »	545	10		
Обвощенныхъ остаткъ 419 » 10 ¹ / ₂ »	2,515	57		
Лампаднаго масла . . 120 » 16 »	1,264	20		
Смирны 2 » 24 ¹ / ₂ »	117	56		
Ладана № 1-й и № 2-й . . 5 » 25 ¹ / ₂ »	63	85		
Матеріаловъ въ ма- стерской 139 » 03 »	3,524	63		
Подтеса на воскобѣ- лильнѣ 42 » 05 »	252	75		
Сусальн. золота 133 кн. — —	53	42		
Деревянныхъ ящичковъ 106 штукъ — —	43	46		
Кадильн. угля 820 кр. — —	18	45		
Лампадныхъ фитилькъ. 458 коробокъ — —	10	27		
Недвижимаго имущества	44959	81		
Хозяйственнаго и заводск. инвентаря.	13612	62		
Долговъ за складами и церквами. .	189298	71		
Всего	495113	39		

(Продолженіе см. въ № 1)

О праздныхъ мѣстахъ въ епархіи.

Священническія мѣста, показанныя въ № 24 «Екатеринославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1902 годъ, всѣ праздны, за исключеніемъ Рождество-Богородичной церкви д. Стефанидинъ Дарь, Ростовскаго уѣзда, кромѣ того праздны мѣста: 1) при Николаевской церкви с. Комиссаровки, Верхнедніпровскаго уѣзда,—въ причтѣ священникъ, діаконъ и псаломщикъ, прих. муж. пола 2371 душа, земли 45½ дес., жалованья причту 392 р. въ годъ, квартира церковная; 2) при Покровской церкви с. Бѣлаго, Славяносербскаго уѣзда, въ причтѣ священникъ и псаломщикъ, прихож. муж. пола 1929 душъ, земли 118 дес., жалованья священнику 105 руб. въ годъ, квартира церковная.

Штатныя діаконскія мѣста, показанныя въ № 24 тѣхъ же Вѣдомостей за 1902 г., всѣ праздны, за исключеніемъ соборной Харалампіевской церкви г. Мариуполя.

Псаломщическія мѣста, показанныя въ № 24 тѣхъ же Вѣдомостей за 1902 г.,—всѣ праздны, за исключеніемъ Успенской церкви с. Мало-Михайловки, Васильевской церкви с. Васильевки, Александровскаго уѣзда, молитвеннаго дома въ д. Лукашеvkъ, Екатеринославскаго уѣзда, Преображенской церкви с. Александровки, Ростовскаго уѣзда, и Николаевской церкви с. Васильевки, Славяносербскаго уѣзда; кромѣ того, праздны мѣста: 1) при походной 1 района церкви св. Владимира,—въ причтѣ священникъ и псаломщикъ, жалованья псаломщику 300 руб. въ годъ, квартиры нѣтъ; 2) при Воскресенской церкви с. Воскресенки, Новомосковскаго уѣзда,—въ причтѣ священникъ и псаломщикъ, прих. муж. пола 869 душъ, земли 120 дес., жалованья псаломщику 98 руб. въ годъ, квартиры нѣтъ; 3) при Александро-Невской церкви с. Вареновки, Ростовскаго уѣзда,—въ причтѣ священникъ и псаломщикъ, прих. муж. пола 1663 души, земли 33 дес., жалованья нѣтъ.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи *С. Малиновскій.*

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Высочайшая награда. 2) Указъ Его Императорскаго Величества. 3) Перемѣны по службѣ. 4) Преподано Архипастырское благословеніе. 5) Выражается признательность Епархіальнаго Начальства. 6) Отчетъ Екатеринославскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода. 7) О праздныхъ мѣстахъ въ епархіи.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ. 11 Сентября 1902 года. Цензоръ преподаватель Семинаріи *Вл. Таценцовъ.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

11 Сентября № 26 1902 года.

— ○ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ. ○ —

Возможна-ли истинно нравственная жизнь безъ религіозности *)?

«Религія, понимаемая въ обширномъ значеніи, есть та сумма высочайшихъ нравственныхъ убѣжденій, которыми руководится человѣкъ во всей своей жизни. Въ ней заключены его коренныя понятія о добрѣ, правдѣ, справедливости и законѣ,—о всѣхъ тѣхъ вѣчныхъ духовныхъ благахъ, безъ которыхъ немислимы ни развитіе образованія, ни самая жизнь. Вся внѣшняя дѣятельность—общество, политика, искусство и наука,—вездѣ и во все времена были и будутъ только отраженіемъ свойства и духа этихъ верховныхъ принциповъ. Не даромъ въ самомъ словѣ «религія» заключено знаменательное указаніе на высокое значеніе выражаемой имъ силы. Religio, religare значитъ,—соединять, связывать. Религія, поэтому, есть та духовная связь, которая устанавливаетъ отношенія человѣка ко всему окружающему—къ природѣ, къ людямъ и къ самому Божеству, образуя такимъ образомъ средоточіе и источникъ его жизни». (Евангеліе въ исторіи. Профессоръ Петровъ.).

Въ настоящее время очень нерѣдко раздаются жалобы, что мы переживаемъ смутныя времена. Говорится это относительно способности человѣка разобратся въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, а также насчетъ состоянія его души. Число потерявшихъ способность оріентироваться въ своихъ мысляхъ—тѣхъ, которые тщетно ищутъ вѣры, нравственныхъ правилъ, или которые отказались уже отъ этого, въ самомъ дѣлѣ очень велико. Характеры, являющіеся всегда результатомъ твердаго убѣжденія и сильной воли, теряютъ свою силу и

*) Научно-богословское чтеніе, предложенное въ залѣ Екатеринославскаго дух. училища 31 марта 1902 г.

стусеиваются—ихъ смѣняютъ колебаніе, нерѣшительность, утрата энергіи и, что еще хуже, полный индифферентизмъ и безхарактерность. Отсюда—почти всеобщая деморализація: значительное пониженіе нравственнаго уровня большинства людей, не смотря на громадныя успѣхи науки, промышленности и техники. Болѣе наблюдательные и безпристрастные поборники «прогресса» вынуждены теперь признать, что даже въ самыхъ интеллигентныхъ классахъ нерѣдко обнаруживаются крайнее своекорыстіе, грубая заносчивость, безпокойная зависть, черная неблагодарность, даже открытое издѣвательство надъ правами ближняго, способность къ самой гнусной лжи и клеветѣ изъ-за эгоистическихъ цѣлей и тому подобныя отвратительныя пороки. Изоцрненностію ума и обширными свѣдѣніями люди часто пользуются ради болѣе успѣшнаго и безнаказаннаго совершенія разныхъ темныхъ дѣлъ. Всѣ эти печальныя факты обнаружили всю поверхностность и ошибочность принципа поборниковъ прогресса,—будто бы знаніе и добро въ сущности одно и тоже, будто бы просвѣщеніе само по себѣ увеличиваетъ подъемъ нравственности народа. Просвѣщеніе, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, расширилось среди народовъ; училища распространяли знаніе, вносили его въ самые отдаленныя уголки цивилизованнаго міра; число неграмотныхъ вездѣ уменьшалось съ каждымъ годомъ; число книгъ, журналовъ, газетъ и ихъ читателей возрастало непрерывно. А все таки, нравственность не шла въ уровнѣ съ этимъ прогрессомъ просвѣщенія! Напротивъ, какъ видимъ, не смотря на распространеніе просвѣщенія, нравственность падаетъ ужасающимъ образомъ. Это обстоятельство должно было привести къ печальному размышленію и тѣхъ, которые со знаменіемъ просвѣщенія въ рукахъ были убѣждены въ томъ, что ведутъ человѣчество по пути къ земному раю, къ высшему, доступному для человѣка совершенству. Они увидѣли, что наука, просвѣщеніе не несетъ съ собою на землю счастья, царства высшей правды и равноправности. Подъ флагомъ

просвѣщенія люди борются не противъ общаго врага—царства тьмы и неправды, а борются изъ-за добычи. Каждый за себя и для себя, т. е. всеобщая вражда, взаимное недоверіе, раздраженіе, озлобленіе а нигдѣ покоя, справедливости, жалости, любви. Противникъ падаетъ, тѣмъ лучше: въ борьбѣ улучшается людская порода. Пощада—преступленіе, потому что приноситъ сильныхъ въ жертву слабымъ, и богатыхъ духомъ и тѣломъ—лѣнивымъ и хилымъ. Міромъ движеть, и надъ міромъ господствуетъ суровый, неумолимый законъ борьбы за существованіе. Логическимъ послѣдствіемъ подобнаго воззрѣнія на жизнь, на факторы цивилизаціи и является «ниціанство». «Живи, проповѣдуетъ Ницше, сообразно природнымъ своимъ влеченіямъ и инстинктамъ,—прислушивайся къ внутреннему голосу своихъ чувствъ и влеченій, предоставь всю свободу этимъ тайнымъ, но могучимъ голосамъ, не заглушай ихъ воспринятыми по наслѣдству и по традиціи правилами и сужденіями—и ты будешь высшимъ существомъ—«сверхчеловѣкомъ». Ужасная теорія! Торжествуютъ не лучшіе, а наиболѣе сильные и наглые. Добро, любовь и истина должны дать дорогу насилію, безстыдству и пороку. Гдѣ же здѣсь счастье всѣхъ членовъ человѣческой семьи, гдѣ торжество высшихъ началъ любви и правды? Гдѣ всеобщій альтруизмъ? Почему съ прогрессомъ умственнымъ и матеріальнымъ не несется улучшеніе нравовъ?—Ясно, что для надлежащаго развитія истинной культуры необходимо нужно пополнить просвѣщеніе, науку другими, не менѣе важными началами жизни. Приходится пролагать новыя дороги для прогресса. И дѣйствительно, поборники послѣдняго теперь сами признались, что «положительныя начала человѣческаго развитія» можно спасти единственно на основаніи подъема нравственности самыхъ широкихъ слоевъ современнаго общества. И вотъ, съ этою цѣлію во всѣхъ почти странахъ цивилизованнаго міра устраиваются въ настоящее время «этическія общества», ставяція себѣ задачею помочь людямъ освободиться

отъ дурныхъ привычекъ, склонностей и страстей и содѣйствовать возстановленію повсюду падающихъ и разлагающихся добрыхъ нравовъ. Съ 1890 года въ Филадельфіи стало появляться международное изданіе—«этический журналъ»,—служащее до извѣстной степени официальнымъ органомъ этическихъ обществъ. Этическое движеніе это приняло теперь форму учрежденія, распространившагося по всему культурному свѣту. Въ 1896 году состоялся въ Бернѣ, въ Швейцаріи, конгрессъ этихъ обществъ, при участіи делегатовъ изъ Америки, Англіи, Германіи, Австріи, Италіи и Швейцаріи. На этомъ конгрессѣ были выработаны и главныя основы «независимой этики». Общую цѣлю этического движенія, какъ уже сказано, служить подъемъ нравственной жизни его членовъ, а равно цѣлаго общества; членами общества могутъ быть всѣ независимо отъ религіозныхъ или философскихъ убѣжденій. Основной исходной точкой для всѣхъ инициаторовъ и приверженцевъ этического движенія является положеніе, что нравственность есть самобытное явленіе, способное развиваться во всей своей полнотѣ безъ всякаго участія со стороны религіи. Такимъ образомъ, устраненіе религіи изъ объема нравственности и положеніе, что нравственность можетъ обойтись безъ участія религіи, сводится къ утвержденію, что нравственная дѣятельность человѣка нисколько не опирается на признапіи нравственного порядка въ объективномъ бытіи, но имѣетъ свое достаточное основаніе въ самомъ дѣйствующемъ субъектѣ. Источникомъ нравственного закона является самъ же человѣкъ, который и долженъ дѣйствовать въ нравственномъ отношеніи независимо ни отъ какого высшаго авторитета и ни отъ какой высшей помощи и цѣли.

Теперь слѣдуетъ спросить: можно ли серьезно вѣрить въ то, что вышеназванная задача этическихъ обществъ будетъ удовлетворительно рѣшена, т. е. что человѣчество можетъ духовно переродиться, усвоивъ себѣ принципы нравственности на натуралистическомъ основаніи, оставляя неразрѣшен-

ными вопросы о сущности міра и его нравственномъ порядкѣ? Возможна ли вообще нравственно здоровая жизнь при отсутствіи въ людяхъ истинной религіозности? Въ рѣшеніи этого вопроса мы пойдемъ такимъ путемъ: сначала критически рассмотримъ тѣ возраженія, которыя выставляются противъ мысли о зависимости нравственности отъ религіи сторонниками независимой этики; потомъ представимъ доказательства въ пользу того положенія, что всѣ, указываемые автономистами основные принципы нравственности,—односторонни, и, наконецъ, покажемъ, какъ, именно, нравственность органически связана съ религіозностью.

I. Болѣе общіе и главные доводы и соображенія, высказываемые сторонниками независимой морали противъ мысли о зависимости нравственности отъ религіи таковы. Говорятъ, что отрицаніе связи нравственности съ религіей прямо требуется хаотичностью понятій о Божествѣ, существующимъ разнообразіемъ религій. Если о Богѣ каждый думаетъ по своему, то разумно ли связывать съ идеею Бога нравственный законъ и его требованія? Единство и постоянство нравственного закона и его требованій не вяжется съ существованіемъ разныхъ религій. Противъ этого возраженія автономистовъ нужно сказать слѣдующее. Если все человѣчество, за исключеніемъ сравнительно немногихъ атеистовъ, вѣрило и вѣруетъ въ божество, въ его дѣйствія въ мірѣ, то можно ли допустить, чтобы каждый человѣкъ представлялъ его себѣ по своему? Напротивъ, непременно должны существовать нѣкоторыя общія, объединительныя черты въ представленіяхъ людей о божествѣ даже и при нѣкоторомъ разнообразіи этихъ представленій. Обращаясь къ исторіи религіознаго сознанія человѣчества и вникая въ преобладающій характеръ представленій его о божествѣ, мы и находимъ, что, какъ ни заблуждались разные народы, въ общемъ они мыслили его одинаково. Всякому здравому религіозному вѣрованію присуща мысль о божествѣ, какъ о личномъ существѣ, виновникѣ

происхожденія вселенной и человѣка и промыслителѣ о нихъ, нравственномъ законодателѣ и мздовоздаятелѣ людей. Разнообразіе религіи, говорятъ, отражается разнообразіемъ и на нравственныхъ идеалахъ, препятствуя установленію и господству единого моральнаго идеала. Но это разнообразіе религій говоритъ только за настоящую пужду всячески заботиться о водвореніи между людьми религіознаго единства путемъ духовнаго привлеченія всѣхъ иновѣрующихъ къ той религіи, которая предложила и предлагаетъ людямъ самый совершеннѣйшій нравственный идеалъ. А онъ данъ и дается лишь христіанской религіей. Что человѣчество обязано именно ей безконечно высокимъ нравственнымъ идеаломъ, это признають всѣ свѣдущіе и честные люди изъ среды самихъ сторонниковъ независимой этики. Такъ, напр., Кантъ утверждаетъ, что «если бы христіанство не предложило человѣчеству возвышенныхъ и чистѣйшихъ правилъ этики, то и доселѣ люди едвали пришли бы къ нимъ сами». А вотъ, что говоритъ о христіанской нравственности Кавелинъ, нашъ ученый поборникъ независимой нравственности въ своихъ «задачахъ этики»: «Переродило человѣчество христіанское ученіе. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было выражено съ такою ясностью, полнотою и убѣдительностію, что во внутреннемъ душевномъ состояніи весь смыслъ индивидуальнаго человѣческаго существованія, что въ постоянной работѣ надъ самимъ собою, съ цѣлію очистить свои внутренніе помыслы и движенія, заключается задача, цѣль и смыслъ личной жизни человѣка отъ рожденія до гробовой доски и что только этимъ путемъ, узкимъ и тернистымъ, онъ можетъ достигнуть покоя, міра и удовлетворенія, которыхъ жаждетъ и къ которымъ вѣчно стремится. Христіанство провозгласило, что такое удовлетвореніе доступно всѣмъ людямъ, кто бы они ни были, и достигается не однимъ погруженіемъ человѣка въ самого себя, а въ жизни съ людьми и между ними въ какомъ бы то ни было положеніи. Въ цѣли, указанной христіанскимъ ученіемъ инди-

видуальному чловѣку, выраженъ полный, законченный смыслъ личной жизни, выше, совершеннѣе котораго нѣтъ и нельзя себѣ представить. Попытки отыскать въ буддизмѣ, у пифагорейцевъ, у Сократа или Платона этическія ученія, напоминающія или превосходящія возвышенную нравственную проповѣдь христіанства, оказались несостоятельными. Этическія системы и ученія, появившіяся даже у христіанскихъ народовъ, не создали ничего новаго, а либо истолковывали христіанскую этику, либо представляютъ болѣе или менѣе неудачныя усилія подыскать для ней теоретическія основанія. Она стоитъ неизмѣримо выше всего, что о ней когда либо говорено или писано. По своей поразительной глубинѣ и въ тоже время простотѣ она—образецъ совершенства, послѣднее слово этической мудрости».

Если такимъ образомъ только одна христіанская религія предлагаетъ наисовершеннѣйшій идеаль, то становится обязанностію каждого чловѣка, сознаващаго эту истину и искренно радѣющаго о нравственныхъ интересахъ ближняго, всевозможно содѣйствовать распространенію и утвержденію этой религіи повсюду и среди всѣхъ людей.—Что касается той мысли, будто бы отрѣшеніе нравственности отъ религіи требуется интересами единого нравственного идеала, то на это скажемъ: напрасно воображаютъ себѣ автономисты, будто бы разнообразіе нравственныхъ началъ и различіе нравственного направленія въ жизни людей исчезнетъ непременно вслѣдъ за полнымъ отрѣшеніемъ нравственности отъ религіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что такое или иное нравственное міросозерцаніе чловѣка стоитъ въ весьма тѣсной зависимости отъ его умозрительныхъ вѣрованій, отъ его взглядовъ на сущность, причину и назначеніе міра и чловѣка, мѣсто чловѣка въ природѣ, отношеніе его къ другимъ существамъ и т. п. Здѣсь, въ своихъ теоретическихъ понятіяхъ, онъ постоянно будетъ брать основанія для своей дѣятельности, правила жизни. Его жизнь будетъ соотвѣтствовать его понятіямъ,

идеямъ, если эти идеи дѣйствительно принадлежать ему, а не лежать на поверхности души его въ видѣ мертвого разсудочнаго хлама. Значить—пока одни люди будутъ смотрѣть на все сущее глазами позитивистовъ, другіе—глазами матеріалистовъ, третьи—глазами пантеистовъ и т. д., до тѣхъ поръ ничѣмъ и никакъ нельзя устранить нравственной розни во взглядахъ и въ жизни. Единый нравственный идеаль при такихъ условіяхъ является не осуществимымъ.

Обращаясь къ вліянію религіи на нравственную жизнь человѣчества, автономисты усматриваютъ слѣдующее: «Свойственная христіанамъ вѣра во вліяніе на человѣка, съ одной стороны, Бога, а, съ другой, злыхъ духовъ наноситъ ущербъ или вредъ нашему достоинству, нашей свободной волѣ, нашей нравственной отвѣтственности, нашей добродѣтели». Но правда-ли, будто бы, при такой вѣрѣ и при допущеніи ея основательности, должны страдать наше человѣческое достоинство, наша свободная воля, наша нравственная отвѣтственность? Извѣстно, что каждый человѣкъ въ теченіе своей жизни испытываетъ на себѣ тысячи самыхъ разнородныхъ вліяній. Несомнѣнно то, что эти вліянія, идущія съ разныхъ сторонъ и воздѣйствующія на насъ, оставляютъ или отпечатлѣваютъ на нашей душѣ тотъ или иной слѣдъ, болѣе или менѣе сильный, болѣе или менѣе важный. Но, вѣдь, нельзя же на этомъ основаніи утверждать, что наше достоинство, наша свобода и отвѣтственность такимъ образомъ устраняются или сдавливаются! Ничего такого не должны имѣть своимъ результатомъ и тѣ вліянія, о которыхъ говоритъ религія. Достоинство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы по возможности сознать, что и какъ на него дѣйствовало и дѣйствуетъ, и самостоятельно относиться къ вліяющимъ на него существамъ, предметамъ и обстоятельствамъ и употреблять ихъ дѣйствія во благо себѣ. Чѣмъ наилучше пользуется человѣкъ ко благу своему всемъ, что вліяло и вліяетъ на него, тѣмъ болѣе возвышается и его нравственное достоинство. Психологическое

самонаблюденіе вполне удостовѣряетъ насъ и въ томъ, что и свобода людей не стѣсняется и не подавляется этими вліяніями. Религіозный человѣкъ сознаетъ себя относительно—свободнымъ въ своемъ нравственномъ дѣйствованіи. Онъ убѣжденъ, что самъ долженъ стараться вырабатывать въ себѣ хорошее нравственное настроеніе и проявлять его въ соответственныхъ поступкахъ. Отсюда и дѣйствій благодатной силы христіанинъ не смѣшиваетъ и не отождествляетъ съ собственными дѣйствіями. Вѣруя въ благодатную силу Божію, онъ никогда не воображаетъ, будто Самъ Богъ за него думаетъ, чувствуетъ и желаетъ. Всякую мысль, всякое чувство, всякое желаніе, какъ бы они возвышены ни были, христіанинъ знаетъ, какъ свои, какъ порожденные его собственнымъ духомъ. И дурныя мысли, чувствованія, желанія христіанинъ относитъ къ своему же «я». Если добрая мысль внушается и Богомъ, то нужно имѣть предрасположеніе къ принятію ея и усвоить ее такъ, чтобы она была какъ бы наша.

Поэтому, какъ бы сильными человѣкъ ни считалъ искушенія со стороны злого духа, онъ никогда не теряетъ сознанія, что можетъ и противиться имъ. Если же подчинится имъ, то, павши подъ бременемъ ихъ, уступивъ соблазнамъ, христіанинъ чувствуетъ себя глубоко виновнымъ, раскаивается въ своемъ грѣхѣ и ищетъ себѣ прощенія въ безпредѣльномъ милосердіи Божіемъ. Гдѣ же здѣсь утрата личной отвѣтственности, предполагаемая автономистами?

«Въ христіанской церкви», продолжаютъ свои обвиненія противъ религіи сторонники независимой нравственности, «придавалось и придается первостепенное значеніе исповѣданію догматовъ во всей ихъ чистотѣ и полнотѣ, а дѣло нравственной жизни человѣка, будто бы, не пользовалось и не пользуется достаточнымъ вниманіемъ». На это обвиненіе противъ религіи за ея, будто бы, пренебреженіе къ нравственной сторонѣ жизни нужно замѣтить, что церковь въ лицѣ ея вождей и предстоятелей никогда не была такъ невнимательно прямо

къ этической сторонѣ христіанства и къ нравственной жизни вѣрующихъ, какъ это кажется автономистамъ. Вся церковная литература служитъ однимъ изъ неопровержимыхъ доказательствъ этого. Въ этой литературѣ занимаютъ самое выдающееся мѣсто произведенія, направленные къ раскрытію и уясненію вопросовъ христіанской этики или вообще къ нравственному назиданію вѣрующихъ. Знакомые съ современнымъ церковнымъ проповѣдничествомъ не могутъ не знать, что пастыри церкви говорили и говорятъ преимущественно на темы моральнаго свойства.

Напрасно ратуютъ автономисты противъ связи нравственности съ религіей, указывая и на то, будто послѣдняя внушаетъ человѣку заботиться лишь объ его личномъ спасеніи и будто бы не располагаетъ его къ созиданію на землѣ царства истины, добра и счастья. Но что означаетъ и должна означать собою забота со стороны каждой личности пріобрѣсти надлежащее религіозно-нравственное настроеніе? Не странно ли называть эту заботу эгоистической, и видѣть въ ученіи о спасеніи души нашей ученіе о какомъ то крайнемъ и зловредномъ индивидуализмѣ? Нравственность человѣка можетъ быть не иною какою-нибудь, а только личной, индивидуальной нравственностію. Постольку можетъ быть рѣчь и о коллективной или соціальной нравственности, поскольку существуетъ нравственность личная, индивидуальная. Если нравственно испорчены отдѣльныя личности, то не можетъ быть рѣчи и о доброй соціальной нравственности, т. е. о доброй нравственности цѣлаго общества, народа, человѣчества. Отсюда заботиться человѣку о своемъ нравственномъ возрожденіи и совершенствованіи значитъ содѣйствовать появленію или увеличенію въ мірѣ людей добра и счастья, поскольку послѣднее обусловливается первымъ. Затѣмъ, само собою предполагается, что заботящійся о своемъ религіозно-нравственномъ возрожденіи и совершенствованіи перестаетъ быть эгоистомъ. Съ христіанской точки зрѣнія возродиться и совер-

шенствоваться въ религіозно-нравственномъ отношеніи значить вѣдь проникнуться любовію къ Богу и къ ближнимъ и все болѣе и болѣе возрастать въ этой любви, т. е. умереть для эгоизма. Наконецъ, заботиться о своемъ личномъ спасеніи, о пріобрѣтеніи святости, развѣ возможно при равнодушномъ отношеніи къ созиданію на землѣ царства истины, добра и счастья? Кто всѣмъ существомъ хочетъ любить Бога и людей, тотъ не можетъ не творить и дѣлъ, вызываемыхъ и требуемыхъ этой любовью. Творить же ихъ и значить принимать участіе въ созиданіи царства истины, добра и счастья.

«Напрасно увѣряютъ», продолжаютъ намъ возражать, «будто бы религіозныя идеи имѣютъ благодѣтельное вліяніе на нравственную жизнь человѣчества и будто бы для ней необходима какая то высшая основа и поддержка. Дѣйствительность вовсе не оправдываетъ этихъ увѣреній: есть атеисты, которые ведутъ безупречную жизнь въ нравственномъ отношеніи». Но наши противники, дѣлая это возраженіе, забываютъ, что христіанство за XIX вѣковъ своего существованія наложило на длинный рядъ поколѣній, на ихъ законы и учрежденія, на ихъ умственное и нравственное воспитаніе, на ихъ образъ мысли вообще сильный и неизгладимый слѣдъ. Мы всѣ, каковы бы ни были наши религіозныя взгляды, мы всѣ безсознательно находимся подъ его вліяніемъ на каждомъ шагу, въ каждую минуту нашей жизни. Значительная часть идей, впервые возвышенныхъ міру христіанствомъ, стала теперь общимъ достояніемъ и атеисты и вообще противники христіанства всѣмъ хорошимъ, что у нихъ есть, обязаны евангелію, хотя и не сознаются въ этомъ.

Наконецъ, противъ мысли о зависимости нравственности отъ религіи выставляется такое положеніе: «религія можетъ внушать только чисто внѣшнія, при томъ чуждыя желательной чистоты, побужденія къ добродѣтельной жизни. Надежда на блаженство въ загробной жизни и страхъ адскихъ мученій—вотъ обычные и совершенно корыстные мотивы, выдви-

гаемые религіею». Здѣсь наши оппоненты обнаруживаютъ по меньшей мѣрѣ непониманіе христіанства. Извѣстно, что христіанинъ, сознательно исповѣдующій свою религію, видитъ въ каждомъ своемъ добромъ дѣлѣ плодъ не только своей воли, но и благодатныхъ воздѣйствій. Загробное блаженство, съ точки зрѣнія истиннаго христіанина, должно быть послѣдствіемъ главнымъ образомъ и прежде всего не собственной заслуги человѣка, а милосердія Божія. А гдѣ идетъ рѣчь о милосердіи къ намъ, тамъ лишены всякаго смысла своекорыстные расчеты на послѣдствія нашихъ поступковъ. Своекорыстіе возможно только тамъ, гдѣ существуетъ убѣжденіе, что достиженіе извѣстныхъ результатовъ обуславливается лишь нашей дѣятельностью и что мы непременно добьемся желаемого въ силу однѣхъ нашихъ заслугъ. Между тѣмъ, такое воззрѣніе и настроеніе въ нравственной области разсматривается христіанствомъ какъ грѣхъ, какъ зло, отчуждающее отъ Бога и блаженства. Поскольку имѣются въ виду даже исключительно усилія нашей воли въ совершеніи добра, и въ этомъ случаѣ христіанство внушаетъ не расчеты на вознагражденіе, а смиренное сознаніе исполненнаго долга. Вотъ что І. Христосъ внушаетъ всѣмъ своимъ послѣдователямъ: «когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоящіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать» (Лук. 17, 10). Указанія христіанской религіи на загробное блаженство и загробныя мученія, съ цѣлію побужденія людей къ доброй жизни, нужно понимать вовсе не такъ, какъ понимаютъ автономисты. Обѣщая блаженство за добрыя дѣла, христіанство имѣетъ въ виду не наружную только сторону этихъ дѣлъ, но главнымъ образомъ ихъ внутреннюю подкладку. Но развѣ возможно совершать такія добрыя дѣла, руководясь лишь расчетами на вѣчное блаженство и не имѣя внутреннихъ симпатій къ нимъ ради ихъ собственной цѣнности и привлекательности? Это представляется и психологически невозможнымъ. Представимъ, что человѣкъ

подасть милостыню лишь вслѣдствіе боязни подвергнуться, въ противномъ случаѣ, вѣчной карѣ за безсердечное отношеніе къ нуждающимся собратьямъ. Но развѣ будетъ добрымъ такой поступокъ съ истинно-христіанской точки зрѣнія? Въдѣ у даннаго лица, при подачѣ милостыни, не было искренняго состраданія къ нищетѣ и внутренняго расположенія облегчить ея тяжесть. Совершая подобнаго рода дѣла, мы оказываемся въ сущности такими же, какъ тѣ люди, которые жертвуютъ сотни, тысячи рублей на какія нибудь государственно-общественныя нужды только для того, чтобы за это получить или медаль, или орденъ, или чинъ. Такія дѣйствія суть фарисейскія, а не христіанскія.

Разсмотрѣвъ безпристрастно представленныя автономистами возраженія противъ мысли о необходимой связи нравственности съ религіей, мы не можемъ признать ихъ достаточно обоснованными. Теперь обратимъ вниманіе на то, чѣмъ хотятъ наши противники замѣнить религію, какія болѣе могущественныя средства выставляютъ они, какой скорѣйшій путь указываютъ къ осуществленію конечныхъ цѣлей въ жизни, чѣмъ это дѣлаетъ религія?

Законоучитель реальнаго уч. свящ. *А. Орловъ.*

СЕКТАНТСТВО и РАСКОЛЪ.

Несостоятельность ученія гр. Л. Толстого о несовмѣстимости государственнаго строя съ идеей царства Божія, изображенной въ евангеліи ¹⁾.

Христіанство явилось въ міръ какъ новое жизнепониманіе, какъ проповѣдь о новомъ жизненномъ строѣ—царствѣ Божіемъ не отъ міра сего. Идея этого царства въ изображеніи Христа при освѣщеніи евангельскаго благовѣстія группируется въ одно стройное, законченное цѣлое.

¹⁾ Заимствовано изъ статьи В. Титлинова: «Царство Божіе по Евангелію». Странникъ. Мартъ и іюнь 1902 г.

Но стройность евангельскаго ученія не устраняетъ возможность недоумѣній и неправильныхъ толкованій его, источникомъ которыхъ служить недостаточно подробное раскрытіе нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ идеѣ Христова царства. Къ числу своеобразныхъ взглядовъ на тотъ порядокъ жизни, который водворяется въ царствѣ Божіемъ законодательствомъ Христа, принадлежитъ взглядъ нашего отечественнаго мыслителя—гр. Л. Н. Толстого. Этотъ взглядъ мы не можемъ обойти молчаніемъ, такъ какъ ученіе гр. Толстого имѣло и имѣетъ значительное вліяніе на русское общество.

„1800 лѣтъ тому назадъ,—говоритъ графъ—среди языческаго римскаго міра явилось странное, не похожее ни на какое пзъ прежнихъ, новое ученіе, приписывавшееся... Христу.

Новое ученіе это было совершенно новое, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, и для европейскаго міра, среди котораго оно возникло, и въ особенности для того римскаго міра, среди котораго проповѣдывалось и распространялось.

«Среди разработанности религіозныхъ правилъ еврейства, гдѣ, по словамъ Исаи, было правило на правилѣ, и среди римскаго выработаннаго до великой степени совершенства законодательства явилось ученіе, отрицавшее не только всякія божества,—всякій страхъ передъ ними, всякія гаданія и вѣру въ нихъ, но и всякія человѣческія учрежденія и всякую необходимость въ нихъ. Въмѣсто всякихъ правилъ прежнихъ исповѣданій ученіе это выставило только образецъ внутренняго совершенства, истины и любви въ лицѣ Христа и послѣдствія этого внутренняго совершенства, достигаемаго людьми,—внѣшняго совершенства, предсказаннаго пророками—царствія Божія, при которомъ всѣ люди разучаются враждовать, будутъ всѣ научены Богомъ и соединены любовью, и левъ будетъ лежать съ ягненкомъ» ¹⁾).

Своеобразность гр. Толстого заключается въ его мнѣніи, что ученіе Христа отрицаетъ «всякія человѣческія учрежденія и всякую необходимость въ нихъ». Строй жизни, лишенный подобныхъ учреждений, и будетъ, по графу, царствомъ Божіимъ, предсказаннымъ пророками. Подъ человѣческими учрежденіями нашъ мыслитель разумѣтъ государственное устройство, а точкой отправленія служить для него нагорная бесѣда Спасителя. Здѣсь сказано: «не противься злему» (Мѡ. v, 39), и на этомъ изреченіи графъ основываетъ все

¹⁾ Толстой. Царство Божіе внутри васъ. Ч. 1. Берлинъ. 1894 г.

свое міровоззрѣніе. Христосъ заповѣдуетъ не противиться злу насиліемъ, поясняетъ нашъ мыслитель, государственное же устройство есть организованное насиліе сильныхъ надъ слабыми. Государственное устройство требуетъ отъ подданныхъ дѣйствій прямо противорѣчащихъ (по графу) Христовымъ заповѣдямъ. Поэтому предъ христіаниномъ неизбѣжно стоятъ вопросы: «дѣйствительно ли Христосъ требовалъ отъ своихъ учениковъ исполненія того, чему онъ училъ въ нагорной проповѣди и потому можетъ или не можетъ христіанинъ, оставаясь христіаниномъ, идти въ судъ, участвуя въ немъ, осуждая людей или ища въ немъ защиты силой, можетъ или не можетъ христіанинъ, оставаясь христіаниномъ, участвовать въ управленіи, употребляя насиліе противъ своихъ ближнихъ, и самый главный всѣмъ предстоящимъ теперь съ общей воинской повинностью вопросъ можетъ или не можетъ христіанинъ, оставаясь христіаниномъ противно прямому указанію Христа, общаться въ будущихъ поступкахъ, прямо противныхъ ученію, и, участвуя въ военной службѣ, готовиться къ убійству людей или совершать ихъ?»

Вопросы дѣйствительно важны для членовъ царства Божія, каковыми христіане являются по своей идеѣ. Толстой рѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ. Христіанинъ долженъ отказаться отъ исполненія государственныхъ обязанностей. Строй государственной жизни противенъ строю жизни, начертанному въ законодательствѣ Христовомъ: царство Божіе несовмѣстимо съ царствомъ человѣческимъ.

Разсмотримъ это рѣшеніе съ точки зрѣнія идеи царства Божія и постараемся безпристрастно убѣдиться, имѣетъ ли оно достаточныя основанія въ евангельскомъ благовѣстіи. Послѣднее говоритъ намъ, что царство Божіе не есть что-то опредѣленно данное, но есть живой процессъ созиданія богоподобной жизни въ человѣчествѣ. Оно развивается и растетъ внутри насъ, равно какъ и внѣ насъ. Христіанская нравственность есть постоянное движеніе впередъ. Преобразование индивидуальной и общественной жизни совершается постепенно, подобно созрѣванію зерна.

Но какую степень этого органическаго роста рисуетъ Христосъ въ своей нагорной бесѣдѣ? Тѣ заповѣди Его, которыя, по Толстому, разрушаютъ всѣ человѣческія учрежденія, указываютъ ли низшую степень христіанскаго совершенства или одну изъ высшихъ его ступеней? Иначе говоря, порядокъ жизни, устанавливаемый въ законодательствѣ Христовомъ, изображаетъ ли царство Божіе въ его зародышѣ, или въ пышномъ разцвѣтѣ на землѣ? Тотъ или другой

отвѣтъ имѣеть рѣшающее значеніе для религіознаго міровоззрѣнія Толстого. Роковой для христіанина вопросъ: можетъ ли онъ остаться христіаниномъ, участвуя въ государственномъ строѣ, можетъ получить разрѣшеніе вовсе не въ толстовскомъ духѣ, если мы завѣты нагорной бесѣды признаемъ за указаніе не низшей, но высшей степени христіанской жизни.

Послушаемъ сначала нашего мыслителя.

— Ученіе Христа, говоритъ онъ, руководить людьми инымъ способомъ, чѣмъ руководятъ ученія, основанныя на низшемъ жизнепониманіи, руководятъ только требованіемъ точнаго исполненія правилъ и законовъ. Ученіе Христа руководитъ людьми указаніемъ имъ того безконечнаго совершенства Отца небеснаго, къ которому свойственно произвольно стремиться всякому человѣку, на какой-бы степени несовершенства онъ ни находился.

— Недоразумѣніе людей, судящихъ о христіанскомъ ученіи съ точки зрѣнія общественнаго жизнепониманія, состоитъ въ томъ, что они, предполагая, что совершенство, указываемое Христомъ можетъ быть вполнѣ достигнуто, спрашиваютъ себя: что будетъ, когда это все будетъ исполнено? Предположеніе это ложно, потому что совершенство, указываемое христіанамъ—безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто: и Христосъ даетъ свое ученіе, имѣя въ виду то, что полное совершенство никогда не будетъ достигнуто, но что стремленіе къ полному безконечному совершенству постоянно будетъ увеличивать благо людей и что благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности.

— Христосъ учитъ не ангеловъ, но людей, живущихъ животной жизнью, движущихся ею. И вотъ къ этой животной силѣ движенія Христосъ какъ бы прикладываетъ новую, другую силу сознанія божескаго совершенства, направляетъ этимъ движеніе по равнодѣйствующей изъ двухъ силъ. Полагать, что жизнь человѣческая пойдетъ по направленію, указанному Христомъ, все равно, что полагать, что лодочникъ, переплывая быструю рѣку и направляя свой ходъ почти прямо противъ теченія, поплыветъ по этому направленію.

— Христосъ признаетъ существованіе обѣихъ сторонъ параллелограмма, обѣихъ вѣчныхъ, неуничтожимыхъ силъ, изъ которыхъ слагается жизнь человѣка: силу животной природы и силу сознанія сыновности Богу. Не говоря о силѣ животной, которая сама себя утверждаетъ, остается всегда равна сама себѣ и находится внѣ власти человѣка, Христосъ говоритъ только о силѣ божеской, призывая человѣка къ наибольшему сознанію ея,—къ наибольшему освобожденію.

денію ея отъ того, что задерживаетъ ее, и къ доведенію ея до высшей степени напряженія.

— Въ этомъ освобожденіи—увеличеніи этой силы и состоитъ, по ученію Христа истинная жизнь человѣка. Истинная жизнь, по прежнимъ ученіямъ, состоитъ въ исполненіи правилъ закона: по ученію Христа она состоитъ въ наибольшемъ приближеніи къ указанному и сознаваемому каждымъ человѣкомъ въ себѣ божескому совершенству,—въ большемъ и большемъ приближеніи къ сліянію своей воли съ волей Бога,—сліянію, къ которому стремится человѣкъ, и которое было бы уничтоженіемъ той жизни, которую мы знаемъ...

— Ученіе христіанское кажется исключаяющимъ возможность жизни только тогда, когда люди указаніе идеала принимаютъ за правило. Только тогда представляются уничтожающими жизнь тѣ требованія, которыя предъявляются ученіемъ Христа. Требованія эти, напротивъ, одни даютъ возможность истинной жизни. Безъ этихъ требованій невозможна была бы истинная жизнь.

— Нельзя требовать слишкомъ многого, говорятъ обыкновенно люди, обсуживая требованія христіанскаго ученія, нельзя требовать того, чтобы совсѣмъ не заботиться о будущемъ, какъ это сказано въ евангеліи, но надо только не слишкомъ много заботиться; нельзя отдавать бѣднымъ всего, но надо отдавать извѣстную, опредѣленную часть; не надо стремиться къ дѣвственности, но надо избѣгать разврата; не надо оставлять жену и дѣтей, но надо не имѣть къ нимъ слишкомъ большаго пристрастія и т. д.

— Но говорить такъ—все равно что говорить человѣку, переплывающему быстрюю рѣку и направляющему свой ходъ противъ теченія, что нельзя переплыть рѣку, направляясь противъ теченія, а что для того, чтобы переплыть ее, надо плыть по тому направленію, по которому онъ хочетъ идти.

— Для того, чтобы пристать къ тому мѣсту, къ которому хочетъ, надо всѣми силами направлять ходъ гораздо выше.

— Спустить требованія идеала—значить не только уменьшить возможность совершенства, но—уничтожить самый идеалъ. Идеалъ, дѣйствующій на людей, есть не выдуманный къмъ то, но—идеалъ, носимый въ душѣ каждымъ человѣкомъ. Только этотъ идеалъ полного безконечнаго совершенства дѣйствуетъ на людей и подвигаетъ ихъ къ дѣятельности. Умѣренное совершенство теряетъ свою силу воздѣйствія на души людей.

— Ученіе Христа только тогда имѣетъ силу, когда оно требуетъ полного совершенства,—т. е. сліянiя божеской сущности, находящейся въ душѣ каждаго человѣка, съ волей Бога,—соединенiя сына съ Отцемъ...

— Жизнь, по ученію христіанскому, есть движеніе къ божескому совершенству.—Ни одно состояніе по этому ученію не можетъ быть выше или ниже другого. Всякое состояніе, по этому ученію, есть только извѣстная, сама по себѣ безразличная ступень къ недостижимому совершенству, и потому—само по себѣ не составляетъ ни больше ни меньше степени жизни. Увеличеніе жизни, по этому ученію, есть только ускореніе движенiя къ совершенству. И потому движеніе къ совершенству мытаря, Закхея, блудницы, разбойника на крестѣ—составляетъ высшую степень жизни, чѣмъ неподвижная праведность фарисея. И потому то для того ученiя не можетъ быть правилъ, обязательныхъ для исполненiя. Человѣкъ, стоящій, на низшей ступени, подвигаясь къ совершенству, живетъ нравственнѣе, лучше, болѣе исполняетъ ученіе, чѣмъ человѣкъ, стоящій на гораздо болѣе высокой ступени нравственности, но не подвигающійся къ совершенству.

„Въ этомъ то смыслѣ заблудшая овца дороже Отцу не заблудшихся. Блудный сынъ, потерянная и опять найденная монета дороже тѣхъ, которыя не пропадали.

„Исполненіе ученiя—въ движеніи отъ себя къ Богу. Очевидно, что для такого исполненiя ученiя не можетъ быть опредѣленныхъ законовъ и правилъ. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны передъ этимъ ученіемъ; никакое исполненіе законовъ не составляетъ исполненіе ученiя; и потому для ученiя этого нѣтъ и не можетъ быть обязательныхъ правилъ и законовъ.

„Изъ этого кореннаго отличiя Христа отъ всѣхъ предшествующихъ ученiй, основанныхъ на общественномъ жизнепониманіи, происходитъ и различіе заповѣдей общественныхъ отъ заповѣдей христіанскихъ. Заповѣди общественныя болѣею частью положительныя, предписывающія извѣстные поступки. Заповѣди же христіанскія, пять заповѣдей нагорной проповѣди—всѣ отрицательныя и показываютъ только то, чего на извѣстной степени развитiя челоуѣчества люди могутъ уже не дѣлать. Заповѣди эти суть какъ бы замѣтки на безконечномъ пути совершенства, къ которому идетъ челоуѣчество, той степени совершенства, которая возможна въ извѣстный періодъ развитiя челоуѣчества.

„Въ нагорной проповѣди выраженъ Христомъ и вѣчный идеаль, къ которому свойственно стремиться людямъ, и та степень его достиженія, которая уже можетъ быть въ наше время достигнута людьми.

„Идеаль состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть зла не на кого, не вызывать недоброжелательства ни въ комъ, любить всѣхъ; заповѣдь же, указывающая степень, ниже которой вполне возможно не спускаться въ достиженіи этого идеала,—въ томъ, чтобы не оскорблять людей словомъ. И это составляетъ первую заповѣдь.

„Идеаль—полное цѣломудріе даже въ мысляхъ;—заповѣдь указывающая степень достиженія, ниже которой вполне возможно не спускаться въ достиженіи этого идеала,—чистота брачной жизни, воздержаніе отъ блуда. И это составляетъ вторую заповѣдь.

„Идеаль—не заботиться о будущемъ, жить настоящимъ часомъ; заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполне возможно не спускаться,—не клясться, впередъ не обѣщать ничего людямъ. И это третья заповѣдь.

„Идеаль—никогда ни для какой цѣли не употреблять насилія; заповѣдь, указывающая степень, ниже которой вполне возможно не спускаться,—не платить зломъ за зло, терпѣть обиды, отдавать рубашу. И это четвертая заповѣдь.

„Идеаль любить враговъ, ненавидящихъ насъ; заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполне возможно не спускаться,—не дѣлать зла врагамъ, говорить о нихъ доброе, и не дѣлать различія между ними и своими согражданами.

„Всѣ эти заповѣди суть указанія того, чего на пути стремленія къ совершенству мы имѣемъ полную возможность уже не дѣлать, того, надъ чѣмъ мы должны работать теперь, того, что по немногу мы должны переводить въ область привычки, въ область безсознательнаго. Но заповѣди эти не только не составляютъ ученія и не исчерпываютъ его, но составляютъ только одну изъ безчисленныхъ ступеней его въ приближеніи къ совершенству.

„За этими заповѣдями должны и будутъ слѣдовать высшія и высшія по пути совершенства, указываемаго ученіемъ“¹⁾.

Мы позволили себѣ привести эту длинную выдержку потому, что она очень характерна для міровоззрѣнія гр. Толстого. Мы ясно видимъ отсюда и тѣ основанія, изъ которыхъ выходитъ—гр. Толстой, и всю неосновательность ихъ, ибо даже въ приведенной ти-

1) Ibid. Ч. I. Стр. 138—146.

радѣ нашъ мыслитель впадаетъ въ противорѣчіе. Онъ проповѣдуетъ отрицаніе государственнаго строя съ его судомъ, клятвой, воинской повинностью во имя Христова ученія: «не клянись вовсе», «не противься злomu», «не судите, да не судимы будете». Безъ исполненія этихъ требованій христіанинъ не можетъ быть христіаниномъ—такова несомнѣнная предпосылка графа. По его мнѣнію пять заповѣдей нагорной бесѣды указываютъ «степень, ниже которой вполне возможно не спускаться». Судя по тѣмъ выводамъ, какіе дѣлаетъ отсюда Толстой, эти пять заповѣдей по нему самая низшая степень христіанскаго совершенства. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ признаетъ христіанскую жизнь постояннымъ непрерывнымъ совершенствованіемъ: значить, чтобы быть христіаниномъ, не нужно обладать нравственнымъ совершенствомъ, а только имѣть въ себѣ зерно христіанской жизни. Такимъ зерномъ и является, очевидно, исполненіе пяти Христовыхъ заповѣдей, такъ какъ безъ исполненія ихъ человекъ не будетъ христіаниномъ.

Но здѣсь то и коренится основная ошибка нашего мыслителя. На какомъ основаніи онъ дѣлаетъ разграниченіе между идеаломъ, котораго люди никогда не могутъ достигнуть и къ которому могутъ только приближаться, и заповѣдями, исполненіе которыхъ—условіе христіанскаго званія? Почему не имѣть зла ни на кого—идеаль, а не оскорблять людей словомъ—заповѣдь? Почему полное цѣломудріе—идеаль, а чистота брачной жизни—заповѣдь? Почему не заботиться о будущемъ—идеаль, а не клясться заповѣдь? Почему никогда ни для какой цѣли не употреблять насилія—идеаль, а не платить зломъ за зло, терпѣть обиду, отдавать рубаху—заповѣдь? Почему любить враговъ, ненавидящихъ насъ—идеаль, а не дѣлать зла врагамъ, не различать между ними и своими согражданами—заповѣдь? И тѣ и другія требованія предъявляются равно въ категорической формѣ: потому разграничивать ихъ нѣтъ никакого основанія въ евангеліи. Толстой, повидимому, руководился тѣмъ, что идеаль требуетъ внутренняго настроенія, заповѣдь же касается вѣншнаго поведенія. Но такое основаніе совершенно противно духу законодательства Христова. Въ немъ вѣншнее поведеніе цѣнится только постольку, поскольку вытекаетъ изъ сердечнаго расположенія. Мало не оскорблять людей словомъ; это воздержаніе отъ оскорбленія будетъ имѣть цѣну только тогда, когда будетъ основано на любви къ ближнимъ. Чистота брачной жизни имѣетъ въ своей основѣ цѣломудріе помысловъ. Клятва устраняется въ томъ случаѣ, если внутреннее расположеніе дѣлаетъ ее ненужною. Враги сравни-

ваются съ согражданами не раньше, чѣмъ въ сердцѣ человѣческомъ займутъ равное мѣсто съ ними. Слѣдовательно то, что Толстой считаетъ заповѣдами, есть заповѣдь нисколько не болѣе, чѣмъ то, что онъ считаетъ идеаломъ.

Законодательство Христово все равно идеально, хотя этимъ отнюдь не утверждается его неприложимость къ жизни. Христіанская жизнь есть стремленіе къ христіанскому идеалу; она воплощаетъ его постепенно: царство Божіе зрѣетъ и растетъ въ душѣ человѣческой. Послѣднее признаетъ самъ гр. Толстой и краснорѣчиво отстаиваетъ, какъ мы видѣли выше. Если теперь устранить его ошибочное мнѣніе о пяти заповѣдяхъ Христовыхъ, какъ указаніе самой низшей ступени христіанской жизни, то вмѣстѣ съ этимъ лишается основанія и его взглядъ на государственное устройство, какъ антихристіанское. Государственныя обязанности не становятся въ разрѣзъ съ требованіями христіанской совѣсти, если въ нихъ не воплощается христіанскій идеалъ, то это лишь свидѣтельствуетъ о ихъ несовершенствѣ, а не объ отсутствіи духа христіанскаго. Оставаясь членомъ государства, христіанинъ не перестаетъ быть христіаниномъ, членомъ царства Божія, такъ какъ эти два положенія не исключаютъ другъ друга подобно служенію Богу и мамонѣ.

Царство Божіе на землѣ есть задача долгаго историческаго процесса. Нагорная бесѣда Спасителя начертываетъ законы царства, какъ бы представляя его уже наступившимъ, минуя тѣ ступени, чрезъ которыя совершается путь человѣчества къ его конечной цѣли. Но Христосъ не скрываетъ, что эти ступени существуютъ и перешагнуть чрезъ нихъ также невозможно, какъ вырасти плоду прямо изъ зерна, безъ стебля. Исторія христіанства въ теченіе 18 вѣковъ его существованія свидѣтельствуетъ, что міръ человѣческій все болѣе и болѣе проникается христіанскими началами. Отдѣльные люди достигаютъ высокаго христіанскаго самознанія; народы и государства преобразуютъ строй жизни въ духѣ христіанскомъ. Но развитіе царства Божія идетъ медленно, и то время, когда раскуютъ мечи на плуги и левъ будетъ лежать съ ягненокъ, скрывается въ непроницаемой дали вѣковъ. Пока же мы видимъ, что общественный и государственный строй далекъ отъ строя жизни, начертаннаго въ законодательствѣ Христовомъ, и однако не считаемъ вмѣстѣ съ гр. Толстымъ участіе въ немъ отреченіемъ отъ христіанства, такъ какъ не смѣшиваемъ идеалъ съ зародышемъ нравственной жизни, не смѣшиваемъ конечной цѣли съ началомъ, плодъ съ зерномъ. Нашъ мыслитель допустилъ именно то предпо-

ложеніе, противъ котораго онъ самъ полемизируетъ, и мы можемъ обратить противъ него его собственное оружіе: онъ предположилъ, что жизнь человѣческая идетъ прямо по направленію указанному Христомъ,—предположилъ, что лодочникъ, переплывая быструю рѣку и направляя свой ходъ противъ теченія, плыветъ по этому направленію...

Христіанинъ можетъ участвовать въ государственномъ и общественномъ строѣ—вотъ нашъ выводъ. Но этого мало: на основаніи ученія Христа мы съ правомъ скажемъ, что членъ царства Божія долженъ участвовать въ жизни государства.

Ученики Христовы—это соль земли, свѣтъ міра, городъ, стоящій вверху горы. Свои таланты они не имѣютъ права скрывать подобно лукавому рабу, а должны прирапцать ихъ. Свѣтъ, существующій въ нихъ, долженъ свѣтить и для другихъ людей и просвѣтить ихъ. «Царство Божіе силою берется» не только въ смыслѣ субъективномъ, но и объективномъ: какъ новый строй жизни не только индивидуальной, а и общественной, оно создается совокупнымъ трудомъ его членовъ. Для христіанина столь же обязательно созиданіе царства Божія въ человѣчествѣ, какъ и въ своей душѣ. «Мы должны работать изъ всѣхъ данныхъ намъ силъ для наступленія этого часа, какъ должны были работать работники на данные имъ таланты ¹⁾»—скажемъ мы словами гр. Толстого. Вопросъ лишь въ томъ, какъ работать. Есть два пути, ведущіе къ указанной цѣли: участіе въ созиданіи царства Божія можетъ быть пассивнымъ и активнымъ. Оно будетъ пассивнымъ, когда христіанинъ, заботясь единственно о личномъ нравственномъ совершенствѣ, станетъ вдали отъ міра, вдали отъ общественной дѣятельности и будетъ вліять на своихъ ближнихъ только собственнымъ примѣромъ. Оно будетъ активнымъ, когда христіанинъ, нося въ душѣ своей царство Божіе, смѣло пойдетъ навстрѣчу земному царству, станетъ дѣятельнымъ членомъ общества, ратуя за добро, истину и правду, поставитъ задачею своею преобразовать окружающую среду въ духѣ Христовомъ, возвести ложную жизнь къ той истинной жизни, которою бьется его сердце.

Гр. Толстой хочетъ идти первымъ путемъ. Онъ проповѣдуетъ отказъ отъ государственныхъ обязанностей въ надеждѣ, что примѣру его послѣдователей послѣдуютъ другіе, и въ концѣ концовъ государственный строй уничтожится самъ собою. При этомъ не важно, прониклись ли люди настолько духомъ христіанства, что го-

¹⁾ Царство Божіе. II. 99.

товы для царства Божія. Дѣятельность христіанина нашъ мыслитель представляетъ чисто пассивною, нравственность его чисто индивидуалистическою: кто достигъ высшей степени христіанскаго самосознанія, чѣмъ та, на которой стоитъ государство,—(по Толстому впрочемъ, государство совсѣмъ не христіанское; но мы уже видѣли ошибочность этого мнѣнія)—тотъ лично отказывается участвовать въ государственной жизни, не обращая никакого вниманія на то, нужна она или нѣтъ для другихъ.

„Совершенно независимо отъ чьего бы то ни было сужденія о томъ, созрѣли ли птенцы гнѣзда настолько, чтобы согнать насѣдку и выпустить изъ яицъ птенцовъ, или еще не созрѣли для этого, неоспоримымъ рѣшителемъ вопроса будутъ птенцы, когда они уже не умѣяясь болѣе въ яйцахъ, начнутъ пробивать ихъ клювомъ и сами выходить изъ нихъ.

„Тоже съ вопросомъ о томъ, наступило ли или не наступило для людей время уничтоженія государственной формы и замѣны ея новой. Если человѣкъ, вслѣдствіе выросшаго въ немъ высшаго сознанія, не можетъ уже болѣе исполнять требованій государства, не умѣяется уже болѣе въ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не нуждается болѣе въ огражденіи государственной формы, то вопросъ о томъ, созрѣли ли люди до отмѣны государственной формы или не созрѣли, рѣшается совсѣмъ съ другой стороны и такъ же неоспоримо, какъ и для птенца, вылупившагося изъ яйца, въ которое уже никакія силы міра не могутъ вернуть его самими людьми, выросшими уже изъ государства и никакими силами не могущими быть возвращенными въ него.

„Очень можетъ быть, что государство было нужно и теперь нужно для всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя вы приписываете ему“, говоритъ человѣкъ, усвоившій христіанское жизнепониманіе, „знаю только то, что мнѣ не нужно болѣе государство... Устраивайте для себя то, что нужно вамъ для вашей жизни, я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общаго вреда государства, я знаю только то, что мнѣ нужно и не нужно, что мнѣ можно и нельзя. Я знаю про себя, что мнѣ не нужно отдѣленія себя отъ другихъ народовъ, и потому я не могу признавать своей исключительной принадлежности къ какому либо народу и государству и подданства какому-либо правительству, знаю про себя, что мнѣ не нужны всѣ тѣ правительственныя учрежденія, которыя устраиваются внутри государствъ, и потому я не могу, лишая людей нуждающихся въ моемъ трудѣ, отдавать его въ видѣ подати на ненужныя мнѣ

учрежденія; я знаю про себя, что мнѣ не нужны ни управленія, ни суды, производимые насиліемъ, и потому я не могу участвовать ни въ томъ, ни въ другомъ; я знаю про себя, что мнѣ не нужно ни нападать на другіе народы, убивая ихъ, ни защищаться отъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и потому я не могу участвовать въ войнахъ и приготовленіяхъ къ нимъ. Очень можетъ быть, что есть люди, которые не могутъ не считать всего этого нужнымъ и необходимымъ, я не могу спорить съ ними, я знаю только про себя, за то несомнѣнно знаю, что мнѣ этого не нужно ¹⁾“.

Люди въ теперешнемъ своемъ состояніи подобны отроившимся пчеламъ, висящимъ кучею на вѣткѣ. Положеніе пчелъ на вѣткѣ временное и неизбѣжно должно быть измѣнено. Онѣ должны подняться и найти себѣ новое жилище. Каждая изъ пчелъ знаетъ это и желаетъ перемѣнить свое положеніе и положеніе другихъ, но ни одна не можетъ этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаютъ этого остальные. Всѣ же не могутъ вдругъ подняться потому, что одна виситъ на другой и мѣшаетъ ей отдѣлится отъ роя, и потому всѣ продолжаютъ висѣть. Казалось бы, пчеламъ нѣтъ изъ этого положенія никакого выхода, какъ это кажется людямъ мірскимъ, запутавшимся въ тѣнети общественнаго міросозерцанія. Но выхода не было бы пчеламъ, если бы каждая изъ пчелъ не была отдѣльно живущимъ существомъ, одареннымъ крыльями. Не было бы выхода и людямъ, если бы каждый изъ нихъ не былъ живымъ, отдѣльнымъ существомъ, одареннымъ способностью усвоенія христіанскаго жизнепониманія.

„Если бы каждая пчела, та, которая можетъ летѣть, не полетѣла бы, никогда бы не тронулись и остальные и никогда рой не измѣнилъ бы своего положенія. И если бы тотъ человѣкъ, который усвоилъ христіанское жизнепониманіе, не сталъ бы, не дожидаясь другихъ, жить сообразно съ этимъ пониманіемъ, никогда бы человѣчество не измѣнило своего положенія. И какъ стоитъ одной пчелѣ раскрыть крылья, подняться и полетѣть, и за ней другой, третьей, десятой, сотой, для того, чтобы висѣвшая неподвижно кучка стала бы свободно летящимъ роємъ пчелъ, такъ точно стоитъ только одному человѣку понять жизнь такъ, какъ учить его понимать ее христіанство, и начать жить такъ, и за нимъ сдѣлать тоже другому, третьему, сотому, для того, чтобы разрушился тотъ заколдованный кругъ общественной жизни, изъ которой, казалось, не было выхода ²⁾“.

¹⁾ Царство Божіе. II. 40—42.

²⁾ Ibid стр. 8—9.

Итакъ вся работа пчелы на пользу роя въ данномъ случаѣ сводится къ тому, что она распускаетъ крылья и летитъ, предоставляя другимъ послѣдовать ея примѣру. Подобно сему весь трудъ христіанина для водворенія царства Божія на землѣ заключается въ томъ, что онъ уходитъ отъ общественной жизни, рѣшивъ, что для него она не нужна, такъ какъ онъ возвысился надъ нею своимъ христіанскимъ сознаніемъ. Такимъ то путемъ хочетъ гр. Толстой преобразить жизнь человѣческую. Онъ вѣритъ, что рой людской весь снимется съ вѣтки и полетитъ за немногими, увлеченный силою одного примѣра. Яснѣ этотъ процессъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

„Всякая новая истина, измѣняющая складъ человѣческой жизни и двигающая впередъ человѣчество, воспринимается сначала только самымъ малымъ количествомъ людей, понимающихъ ее внутреннимъ путемъ.

„Но такъ какъ, во-первыхъ люди не стоятъ на мѣстѣ, а непрерывно движутся, все болѣе и болѣе познавая истину и приближаясь къ ней своей жизнью, и во-вторыхъ, всѣ они по своему возрасту, воспитанію, породѣ расположены къ постепенной градаціи отъ людей наиболѣе способныхъ понимать новыя открывающіяся истины внутреннимъ путемъ до людей наименѣе способныхъ къ этому, то люди ближе другихъ стоящіе къ тѣмъ, которые усвоили внутреннимъ способомъ, одни за другими сначала черезъ длинныя промежутки времени, а потомъ все чаще и чаще переходятъ на сторону новой истины, и количество людей, признающихъ новую истину, становится все больше и больше и истина становится все понятнѣе и понятнѣе.

„А чѣмъ больше людей усваиваетъ новую истину и чѣмъ истина понятнѣе; тѣмъ болѣе возбуждается довѣрія въ остальныхъ, на низшей степени по способности пониманія стоящихъ людяхъ и тѣмъ легче для нихъ становится постигновеніе ея и тѣмъ большее число усваиваетъ ее. И такъ идетъ движеніе, все убыстряясь и убыстряясь, расширяясь и расширяясь, какъ комъ снѣга до тѣхъ поръ, пока не зарождается при этомъ согласное съ новой истиной общественное мнѣніе и вся остальная масса людей уже не по одиночкѣ, а вся сразу подъ давленіемъ этой силы не переходитъ на сторону новой истины и не устанавливается сообразный съ этой истиной новый складъ жизни ¹⁾).

¹⁾ Царство Божіе. Ч. II, стр. 60—62.

Гр. Толстой вѣритъ въ истину своего пути къ царству Божію, хочетъ и въ другихъ вселить эту увѣренность. Но Евангеліе царствія не этотъ путь предлагаетъ человѣчеству, не этотъ трудъ возлагаетъ на учениковъ Христовыхъ. Христіанину предлагается активное, а не пассивное участіе въ созиданіи царства Божія на землѣ. Всѣ силы свои онъ долженъ устремить на достиженіе конечной великой цѣли—съ этимъ согласенъ и нашъ мыслитель. Неужели же пассивный отказъ отъ общественной жизни и замкнутое въ себя нравственное-христіанское сознаніе—есть напряженіе всѣхъ силъ на пользу дѣла Божія? Гр. Толстой предлагаетъ людямъ путь лукаваго раба, зарывшаго талантъ, данный ему господиномъ. Христосъ зоветъ своихъ учениковъ къ дѣятельному подвигу любви, а любовь не можетъ сторониться изъ больного человѣчества. Подобно милосердому самарянину спѣшитъ христіанинъ на помощь людямъ, живущимъ ложною жизнью, чтобы привести эту жизнь къ жизни истинной. Люди живутъ жизнью общественной; общественный строй заключается въ себѣ много нехристіанскаго, далеко не подходитъ къ идеалу законодательства Христова. Христіанинъ, ставшій совершеннѣе своихъ собратьевъ, подобно пробившему скорлупу яйца птенцу, возвысившійся надъ общественнымъ сознаніемъ,—выраженіе гр. Толстого,—не покидаетъ братьевъ ихъ собственной судьбѣ, не ограничивается платоническимъ желаніемъ, чтобы они послѣдовали его примѣру, а остается въ ихъ средѣ, живетъ ихъ жизнью, преобразуя ее сообразно своему христіанскому сознанію. Первая, главная, всеобъемлющая заповѣдь Христа—любовь, и «нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоан. XV, 13). Помня этотъ завѣтъ Спасителя, христіанинъ беретъ на себя подвигъ милосерднаго самарянина—врачеванія духовныхъ язвъ людскаго общества. Но развѣ можно врачевать ихъ, не прикасаясь къ нимъ? Это значить предоставить болѣзни идти естественнымъ путемъ и въ качествѣ зрителя наблюдать, скоро ли всѣ будутъ такъ же здоровы, какъ и мы. Толстой довольствуется ролью такого зрителя. Левитъ и священникъ лишь посмотрѣли на бѣднаго самарянина.

Можетъ быть, пчелы полетятъ за нѣсколькими своими сестрами; если не полетятъ,—улетѣвшія этимъ не интересуются. Однако чловѣкъ—не пчела. Какъ христіанинъ съ чистою совѣстью будетъ ждать, пока всѣ станутъ такими же христіанами, какъ онъ? Онъ оглянется назадъ и, видя, что никто или немногіе идутъ за нимъ, вернется къ погибающимъ братьямъ, станетъ освобождать ихъ отъ

оковъ. Онъ не будетъ надѣяться, что формы государственной жизни уничтожатся сами собою, когда всѣ откажутся отъ нихъ, а направитъ свою дѣятельность на преобразование данной общественной жизни въ духъ христіанскомъ. Гр. Толстой протестуетъ прѣтивъ государственнаго насилія въ видѣ суда съ тюрьмами, тѣлесными наказаніями, каторгой, въ видѣ воинской повинности съ обязательствами убивать людей, повинныхъ только въ томъ, что они другой національности. Но протестъ въ рекомендуемой имъ формѣ не приведетъ къ водворенію царства Божія: слишкомъ уже проблематично предположеніе, что изъ отдѣльныхъ единицъ составится—и притомъ, по мнѣнію графа, въ непродолжительномъ времени—такая значительная группа, которая силою общественнаго мнѣнія повлечетъ всѣхъ за собою. Между тѣмъ предъ каждымъ лежитъ поприще живого, плодотворнаго труда на дѣло водворенія царства Божія: возвести нехристіанскіе элементы въ общественномъ строѣ къ высотѣ христіанскаго сознанія. Вѣдь никто не говоритъ, что тюрьма и каторга хороши, что война—благодѣяніе человѣчества, что бѣдность и нищета нормальны. Всѣ лучшіе люди сознаютъ напротивъ, что цѣль суда—исправленіе преступника, война—бичъ человѣчества, экономическое неравенство нуждается въ урегулированіи. Стало быть необходимо сдѣлать судъ дѣломъ любви къ ближнимъ, когда онъ будетъ не наказаніемъ, а духовнымъ врачевствомъ, окружая преступника болѣе чистой атмосферой. Войну необходимо сдѣлать ненужною и невозможною. Бѣдность должна исчезнуть подъ животворнымъ лучемъ христіанскаго милосердія и братства.

Здѣсь, конечно, неизбеженъ вопросъ: какъ это сдѣлать? Совершится подобная перемѣна можетъ исключительно силою общественнаго мнѣнія, но возникшаго не по способу гр. Толстого. Общественное мнѣніе создается не меньшинствомъ, а большинствомъ, его нужно воспитать, а чтобы воспитать его, нужно жить въ обществѣ и дѣйствовать на него уже готовыми средствами, выработанными формами общественной жизни. Чѣмъ больше будетъ истинныхъ христіанъ во всякаго рода общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ, чѣмъ больше будетъ дѣятелей съ христіанскимъ сознаніемъ, тѣмъ ближе и ближе будетъ царство Божіе. Всякая форма сама по себѣ ни дурна, ни хороша: она становится тою или другою отъ содержанія. Такъ бываетъ и съ человѣческими учрежденіями: они выражаютъ настроеніе людей, среди которыхъ существуютъ и которые въ нихъ участвуютъ. Если въ христіанскомъ государствѣ есть нехристіанскія учрежденія, какъ думаетъ гр. Толстой, то значить

люди не достигли полного христіанскаго сознанія. Пусть истинные христіане поднимуть до себя своихъ ближнихъ, протянувъ имъ руку, а не стоятъ въ отдаленіи, довольные сознаніемъ собственнаго совершенства; пусть врачуютъ язвы человѣчества, пусть поддерживаютъ, руководятъ несовершенныхъ братьевъ на трудномъ пути къ божественному царству. Этотъ путь подвига, путь самоотверженной дѣятельной любви завѣщалъ міру его Спаситель; всѣ другія дороги въ лучшемъ случаѣ только окольные тропинки.

Пока въ сердцахъ человѣческихъ, не изсякнетъ сила любви Христовой, толстовскій квіетизмъ не будетъ путемъ къ царственной цѣли человѣчества. Истинный христіанинъ не будетъ сторониться общественной жизни во имя высоты своего христіанскаго сознанія, а будетъ жить и работать въ существующихъ формахъ жизни надъ ихъ преобразованіемъ въ духѣ божественныхъ началъ, надъ созиданіемъ богочеловѣческаго единства. Жатва многа, дѣлателей же мало. Что будетъ, если и они уйдутъ съ нивы, предоставивъ ее своей судьбѣ?.. Но нѣтъ, этого не случится. Носители всего добраго, свѣтлаго, высокаго никогда не перестанутъ быть и ратоборцами тѣхъ идеаловъ, которые живутъ въ ихъ душѣ. Вѣря въ могучую силу добра, они воздвигнутъ знамя свое въ самомъ сердцѣ зла и неправды, и объявятъ ей борьбу на жизнь и смерть. Соединятся ли когда либо концы божеской и человѣческой жизни? Это дѣло вѣры и упованія. До какой степени достигнетъ осуществленіе воли Божіей человѣчествомъ здѣсь на землѣ—мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что это наша жизненная задача и нашъ долгъ. Мы вѣримъ, что рано или поздно добро побѣдитъ.

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
 Ни безкrestныхъ могилъ, ни рабовъ,
 Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
 Ни меча, ни позорныхъ столбовъ... (Надсонъ).

И. А. ПОЛУЦЫГАНОВЪ.

(Некрологъ).

30-го августа текущаго года, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался бывшій преподаватель Епархіальнаго Женскаго Училища, Иванъ Андреевичъ Полуцыгановъ.

Покойный—сынъ мѣщанина г. Екатеринослава, воспитывался въ мѣстной Екатеринославской гимназіи, а по выходѣ изъ нея поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1893 году со степенью кандидата богословія. По окончаніи курса въ означенной академіи, покойный опредѣленъ былъ преподавателемъ русскаго языка въ мѣстное Епархіальное Училище, каковую должность и несъ въ теченіе девяти лѣтъ.

Съ чувствомъ глубокой скорби бывшіе сослуживцы и воспитанницы оплакали гробъ своего старшаго товарища и наставника, въ расцвѣтъ силъ своихъ почившаго. И эта скорбь тѣмъ живѣе и глубже переживалась каждымъ, что въ лицѣ почившаго училище лишилось одного изъ даровитыхъ и добросовѣстныхъ своихъ работниковъ, съ любовію отдававшагося своему далеко нелегкому труду. А трудъ покойнаго дѣйствительно былъ нелегкій. Онъ занималъ одну изъ труднѣйшихъ каѳедръ въ Училищѣ, каѳедру русскаго языка, преподаваніе коего обременено чтеніемъ многочисленныхъ письменныхъ работъ воспитанницъ. Несмотря, однако, на всю тяжесть труда, который приходилось нести почившему, а главное—не взирая на свой тяжелый недугъ (чахотку), въ теченіе десяти лѣтъ безпощадно подтачивавшій его силы, покойный, тѣмъ не менѣе, съ рѣдкою добросовѣстностію несъ свои обязанности и никогда не выражалъ желанія перейти на другую по-сильную и болѣе для него выгодную каѳедру, хотя къ тому и представлялись случаи. «Мнѣ нравится преподаваемый мною предметъ, котораго такъ избѣгаютъ другіе, говорилъ онъ однажды намъ, и если преподаваніе русской грамматики представляетъ собою сухую матерію, то за то сколько оживленія вноситъ въ мой трудъ преподаваніе русской литературы». Только послѣдніе два года покойный сталъ видимо тяготиться своею непосильною работою и жаловаться на крайній упадокъ своихъ силъ. «Я не мало удивляюсь самому себѣ, говорилъ онъ не разъ, когда какой либо день чувствую себя

мало-мальски здоровымъ и обхожусь безъ латинской кухни». И дѣйствительно, въ послѣднее время болѣзнь въ почившемъ развивалась быстрыми шагами и часто приковывала его къ постели. И безъ того невеселый, онъ сдѣлался еще болѣе мрачнымъ и сосредоточеннымъ; лицо его носило на себѣ слѣды тяжелой думы и глубокой скорби; жизнь видимо была ему въ тяжесть. Но удивительное дѣло! Въ то время какъ силы покойнаго видимо падали и онъ, какъ говорится, таялъ со дня на день, при малѣйшемъ улучшеніи въ состояніи здоровья, онъ снова тянулся въ классъ. Думаемъ, что у всѣхъ знавшихъ покойнаго еще живъ въ представленіи тотъ жалкій видъ, въ какомъ онъ въ послѣднее время являлся на службу. Весь изможденный, исхудалый, едва переводящій дыханіе, съ перевязанною рукою онъ шелъ на урокъ, чтобы, какъ выражался онъ, не болѣть, по крайней мѣрѣ, душою за другихъ; и никакія предостереженія и увѣщанія не могли остановить его отъ рискованныхъ хожденій. «Я одинъ, а меня ждутъ многія, съ чѣмъ онѣ явятся на экзаменъ?»—вотъ обычный отвѣтъ покойнаго на предложеніе побережь себя и сидѣть дома. Такова ужъ была натура покойнаго, умѣвшая жертвовать собою ради блага другихъ...

Но нравственный обликъ почившаго тѣмъ съ большею полнотою представится нашему воображенію, если мы обратимъ вниманіе на его душевное настроеніе. Покойный безъ сомнѣнія принадлежалъ къ глубоко вѣрующимъ и въ высшей степени религіознымъ натурамъ. Такой душевный складъ его ясно обозначился въ довольно раннихъ лѣтахъ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже одно то обстоятельство, что, по окончаніи курса въ гимназій, покойный не пошелъ обычною дорогою, какою обыкновенно идутъ ея питомцы, но вмѣсто высшей свѣтской школы, въ которую онъ могъ поступить безъ экзамена, по одному аттестату зрѣлости, онъ счелъ за лучшее для себя поступить въ высшую духовную школу, какъ болѣе отвѣчавшую его душевному складу и при-

родному влеченію. Какъ глубоко вѣрующій человѣкъ, покойный съ особенною любовію и благоговѣніемъ относился къ христіанскому богослуженію, отлично зналъ порядокъ и чинопослѣдованія многихъ службъ и, не взирая на свою тяжкую болѣзнь, часто посѣщалъ храмъ Божій, въ которомъ, стоя гдѣ нибудь въ отдаленномъ уголкѣ, горячо и усердно предавался молитвѣ.

Любилъ покойный также церковное пѣніе и музыку; въ особенности нравился ему кievскій распѣвъ. Въ оставленной имъ библіотекѣ можно найти многочисленныя, выписанныя имъ самимъ піесы церковнаго именно характера и преимущественно кievскаго распѣва. Въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ себѣ фисгармонію, на которой довольно быстро выучился играть, чтобы въ спокойномъ уединеніи улаживать свою душу и умѣрять тихую грусть протяжными и мелодическими звуками, наиболѣе подходящаго для церковной музыки инструмента.

Вслѣдствіе почти постоянного болѣзненнаго состоянія, покойный очень рѣдко показывался въ общественныхъ собраніяхъ; свободное же время отъ присяжныхъ работъ онъ посвящалъ любимому имъ занятію—художничеству, а именно: срисовывалъ съ натуры разные виды, писалъ пейзажи и набрасывалъ на полотно эскизы. Это послѣднее занятіе настолько увлекало его, что ради него онъ время отъ времени принималъ на каникулахъ отдаленныя поѣздки, какъ, напр., въ Кіевъ, Крымъ и другія мѣста, гдѣ съ кистью въ рукахъ онъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ за мольбертомъ.

Вообще говоря, почившій несомнѣнно принадлежалъ къ числу способныхъ и трудолюбивыхъ натуръ.

Только за нѣсколько дней до своей смерти, покойный вышелъ въ отставку изъ училища. Но какъ больно было ему разставаться съ нимъ; какъ сильно скорбѣлъ онъ о выходѣ своемъ изъ того учебнаго заведенія, интересами котораго онъ жилъ въ теченіе девяти лѣтъ и которому отдалъ всѣ свои

силы! «Я не могу свыкнуться съ мыслию объ оставленіи мною училища, говорилъ онъ на предсмертномъ одрѣ; сердце мое сжимается при одномъ словѣ «отставка»... Простите меня товарищи, простите всѣ, кого обидѣлъ я волею или неволею»... Но скорбѣть ему пришлось недолго: черезъ четыре дня послѣ выхода въ отставку, неумолимая смерть прекратила его страданія и душевныя и тѣлесныя: онъ тихо почилъ, какъ уже сказано, 30 августа, въ 2 часа дня.

На другой день, послѣ уроковъ, въ училищной церкви по усопшемъ была отслужена первая панихида въ присутствіи всѣхъ воспитанницъ и всей училищной корпораціи, а въ 5 часовъ вечера того же дня всѣ сослуживцы вмѣстѣ съ воспитанницами 5 и 6 классовъ присутствовали на выносѣ его тѣла въ Троицкую церковь. На слѣдующій день, перваго, т. е., сентября, отслужена была заупокойная литургія по усопшемъ, а въ часъ дня совершенъ былъ обрядъ погребенія. Въ отпѣваніи почившаго, кромѣ Троицкаго причта, во всемъ его составѣ, приняли участіе также о. предсѣлатель училища, прот. В. Мстиславскій, инспекторъ классовъ училища, свящ. Н. Ивановъ, благочинный церковей г. Екатеринослава, свящ. Г. Бѣлинскій и о. діаконъ Добринскій.

На словъ, ни рѣчей надъ почившимъ не было произнесено: такова была воля покойнаго, который просилъ не называть надъ нимъ никакихъ надгробныхъ словъ и рѣчей, причемъ если возможно, то обойтись безъ катафалка, и нести его останки на рукахъ, какъ это дѣлается при похоронахъ простыхъ мірянъ. Выраженное покойнымъ желаніе въ точности было исполнено. Такъ скромнень былъ почившій и въ своихъ предсмертныхъ желаніяхъ.

Мы увѣрены, что безвременная кончина незабвеннаго Ивана Андреевича вызоветъ въ сердцахъ всѣхъ бывшихъ его ученицъ непритворную скорбь, а съ тѣмъ вмѣстѣ подвинетъ ихъ на посильныя мольбы объ упокоеніи его души.

Миръ праху твоему, честный труженникъ и добрый товарищъ! *Sit tibi levis terra!*...

Извѣстія и замѣтки.

Новый законъ о вѣнбачныхъ дѣтяхъ.—Положеніе незаконно-рожденныхъ дѣтей, всю жизнь несшихъ неповинно за грѣхи родителей на себѣ клеймо отверженія, существеннымъ образомъ улучшилось, благодаря недавно опубликованнымъ гуманнѣйшимъ новымъ правиламъ. Само слово: «незаконно-рожденный» отнынѣ вычеркивается изъ кодекса русскихъ законовъ и замѣняется словомъ «вѣнбачный», не носящимъ на себѣ печати обиды и издѣвательства—оно лишь указываетъ на фактъ. По ст. 132 новыхъ правилъ вѣнбачными дѣтьми признаются: 1) рожденные незамужнею; 2) происшедшія отъ прелюбодѣнія и 3) рожденные по смерти мужа матери или по расторженіи брака разводомъ, или же по признаніи брака недѣйствительнымъ, когда со дня смерти мужа матери или расторженія брака, или-же признанія его недѣйствительнымъ до дня рожденія ребенка протекло болѣе 306 дней. Въ видахъ уменьшенія числа «вѣнбачныхъ дѣтей» новый законъ сохраняетъ права дѣтей законныхъ дѣтямъ отъ брака признаннаго недѣйствительнымъ. По старому закону такіа дѣти признавались незаконными.

Далѣе новый законъ говоритъ: «Вѣнбачныя дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей». Это правило даетъ возможность узаконять дѣтей, происшедшихъ отъ прелюбодѣнія, которымъ старый законъ категорически отказывалъ въ этомъ.

Облегчены также условія усыновленія собственныхъ вѣнбачныхъ дѣтей. По ст. 132² вѣнбачный ребенокъ, если ему не было присвоено отчество при совершеніи метрической о его рожденіи записи, именуется по отчеству, сообразно имени его восприѣмника, а фамиліею—одинаковою съ отчествомъ, но съ согласія матери и ея отца, если онъ находится въ живыхъ, можетъ именоваться фамиліею матери, принадлежащею ей по рожденію.

Статьей 132⁴ отецъ вѣнбачнаго ребенка обязывается, сообразно своимъ имущественнымъ средствамъ и общественному положенію матери ребенка, нести издержки на его содержаніе, если онъ въ томъ нуждается, до его совершеннолѣтія. Мать ребенка участвуетъ въ издержкахъ на его содержаніе соотвѣтственно своимъ имущественнымъ средствамъ, которыя вообще принимаются во вниманіе при опредѣленіи ребенку содержанія слѣдующаго съ его отца. Ст. 132⁶ включаетъ въ составъ слѣдующаго съ отца

выбранаго ребенка содержанія послѣдняго и содержаніе нуждающейся въ томъ матери ребенка, если ухаживать за нимъ лишаетъ ее возможности снискать себѣ средства къ жизни. По ст. 132⁷ отецъ выбрачнаго ребенка въ случаѣ недостаточности средствъ его матери обязанъ оплатить необходимые расходы, вызванные разрѣшеніемъ ея отъ бремени, и доставить ей насущное содержаніе впредь до ея выздоровленія.

Порядокъ полученія наслѣдства выбранными дѣтьми опредѣляется ст. 132¹². Выбранныя дѣти и законныя ихъ нисходящія наслѣдуютъ по закону лишь въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери на основаніяхъ, установленныхъ для дѣтей законныхъ, съ тѣмъ, однако, что наслѣдуемое имущество матери, не имѣющей законныхъ сыновей, но имѣющей лишь законныхъ дочерей, дѣлится между сими послѣдними и выбранными дѣтьми по равнымъ между всѣми сонаслѣдниками долямъ. На законное наслѣдованіе въ имуществѣ отца и его родственниковъ, а также родственниковъ матери, равно какъ на наслѣдованіе въ родовомъ ея имѣніи, выбранныя дѣти правъ не имѣютъ. Мать выбрачнаго ребенка наслѣдуетъ послѣ него по правиламъ о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей. Послѣ выбранныхъ дѣтей, не оставившихъ призываемыхъ къ наслѣдованію нисходящихъ, наслѣдуютъ другія, происшедшія отъ одной съ ними матери, выбранныя дѣти и законныя ихъ нисходящія.

Новый законъ пополняетъ кромѣ того существенный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ въ дѣлѣ урегулированія отношеній родителей къ дѣтямъ послѣ расторженія брака. Онъ опредѣляетъ права родителей на оставленіе у того или другого дѣтей, причемъ предусматривается и посѣщеніе другимъ родителемъ этихъ дѣтей. Разногласіе ихъ по вопросу о свиданіяхъ разрѣшаются мировымъ судьей или земскимъ начальникомъ. Каждый изъ супруговъ расторгнутаго брака, сообразно своимъ средствамъ, обязанъ участвовать въ издержкахъ на содержаніе и тѣхъ дѣтей, которыя оставлены у другого родителя. (Вѣра и раз.)

Хроника епархіальной жизни.

1-го Сентября—Воскресенье. Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ Божественную литургію совершалъ въ Крестовой церкви въ сослуженіи протоіерея П. Гуляницкаго,

священниковъ Д. Страховскаго, ключаря—О. Оедорова, Андрея Одинцова и іеромонаха Пахомія. За литургією рукоположены: во іерея—діаконъ Константинъ Айвазовъ и во діакона—окончившій курсъ духовной Семинаріи Василий Кретининъ.

— 7—8 Сентября. Праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы. Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Сумеонъ совершалъ всенощное бдѣніе и Божественную литургію въ Крестовой церкви въ сослуженіи священниковъ: Д. Страховскаго, ключаря—О. Оедорова, І. Успенскаго и іеромонаховъ Сергія и Пахомія. За литургіей рукоположены: во іерея—діаконъ Василий Кретининъ и во діакона окончившій курсъ духовной Семинаріи Іоаннъ Стукановскій.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ Братства Св. Владиміра

(при Екатеринославской духовной семинаріи)

ПОЛУЧЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- 1) Священника о. Григорія Петрова:

Евангеліе какъ основа жизни. Цѣна 40 коп.

По стопамъ Христа. Цѣна 40 коп.

Долой пьянство. Цѣна 15 коп.

Къ свѣту. Цѣна 20 коп.

Божьи работники. Цѣна 10 коп.

Христосъ воскрес. Цѣна 25 коп.

Зерна добра. Цѣна 20 коп.

- 2) К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА:

О подражаніи Христу. Оомы Кемпійскаго, переводъ съ латинскаго. Цѣна 1 р. 25 к.

Московский сборникъ. Цѣна 1 р. 40 к.

Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. Цѣна 75 к.

Основная конституція человѣческаго рода, соч. Ле-Пле.
Цѣна 75 к.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. Переводъ Е. А. Цѣна 1 р.

Новая школа. Цѣна 50 к.

Ученье и учитель, педагогическія замѣтки. Цѣна 50 к.

КНИГИ ЦЕРКОВНАГО ПѢНІЯ:

1. Церковно-пѣвческій сборникъ, Томъ I-й, (Всенощное бдѣніе). Цѣна партитуры 1 р. 50 к., а голоса по 50 к.
2. Церковно-пѣвческій Сборникъ, Томъ II-й; часть I-я (Литургія). Цѣна партитуры 1 р. 50 к., а голоса по 50 к.
3. Церковно-Пѣвческій Сборникъ. Томъ II-й, часть II-я (Продолженіе Литургіи). Цѣна партитуры 2 руб., а голоса по 75 коп.
4. Пѣніе Церковныхъ службъ во дни Св. Великаго Поста, Св. Пасхи и двенадесятихъ праздниковъ, составленное А. Архангельскимъ для четырехголоснаго хора. Вып. I-й. Цѣна партитуры 1 р., а голоса 1 р. 50 к.
5. Пѣніе всенощнаго бдѣнія, составленное А. Архангельскимъ по церковному обиходу, изд. Святѣйшимъ Синодомъ и по обычнымъ церковнымъ папѣвамъ. Для 4-хъ голоснаго хора. Цѣна партитуры 2 руб., а голоса 3 руб.

При семъ № разсылается объявленіе Т-ва «Проводникъ».

Редакторы—Преподаватели { Протоіерей В. Мстиславскій
Семинаріи: { и Михаилъ Брунбендеръ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Возможно-ли истинно-нравственная жизнь безъ религіозности. 2) Несостоятельность ученія гр. Л. Толстого о несомѣстимости государственнаго строя съ идеей царства Божія, изображенной въ евангеліи. 3) Некрологъ. 4) Извѣстія и замѣтки. 5) Хроника и 6) Объявленія.

Дозволено цензурою. Екатеринославъ. 11 Сентября 1902 г. Цензоръ преподаватель Семинаріи Вл. Талентовъ.
